

ния были внесены в текст романа в 1939 и 1947. Публиковавшиеся на рубеже 1920–30-х **«Письма о Днепрострое»** (1931), **«Осада реки»** (1927) и др. имеют прямое отношение к творческой истории романа **«Энергия»**. По мотивам 1-й книги в 1934 была написана пьеса **«Гордость»**. В 1930 Г. ездил в Италию (был в Сорренто у Горького), в Германию. В 1933 вошел в состав оргкомитета СП: на I съезде советских писателей выступил с докладом **«О ведущем типе эпохи»** (1934). Вплоть до начала Великой Отечественной войны Г. продолжал работать над текстами **«Цемент»** и **«Энергии»**.

В 1941 пишет лирическую повесть **«Березовая роща»** — «поэма о лесе и преобразовании природы»; эту повесть писатель любил, он поведал о судьбе старого учителя, который, сажая дерево, упал под его тяжестью и умер.

В 1941–42 Г. являлся спецкором **«Известий»**, находился на Урале; в 1942 возвратился в Москву, где написал рассказы и повести **«Мать»**, **«Клятва»**, **«Завет отца»** и др., а также публицистические статьи **«Фашисты — смертельный враг русского народа»** (1941), **«О бесстрашии»** (1941) и др. В первой половине 1940-х вышли публицистический сб. **«Новаторы»** (1942), сб. рассказов **«Опаленная душа»** (1943), **«Избранное»** (1944), сб. повестей **«Клятва»** (1944).

В 1945–47 Г. возглавлял Лит. ин-т им. М. Горького. Публицистика послевоенного времени была посвящена главным образом воспитанию молодежи, борьбе за мир.

Последние годы жизни Г. работал над автобиографической прозой: **«Повесть о детстве»** (1949), **«Вольница»** (1950), **«Лихая година»** (1954), **«Мятежная юность»** (известна в отрывках, повесть осталась незаконченной). Национальный, исторический колорит жизни воссоздан в этих книгах с большим худож. мастерством; эпическое звучание автобиографической прозы окрашено нотой, появившейся еще в **«Изгоях»**: **«Мы — одно, мы звенья бесконечной цепи, идущей через простоту цветок до огненной звездной зари...»**

Соч.: СС: в 5 т. / вступ. статья Б. Брайниной. М. 1983–85; СС: в 8 т. М., 1958–59; **Мятежная юность**. Очерки. Статьи. Воспоминания / вступ. статья Б. Брайниной. М., 1961.

Лит.: Уханов И. П. Творческий путь Ф. Гладкова: пособие для учителей. М., 1953; Воложенин А. П. Федор Гладков: Жизнь и творчество. М., 1969; Воспоминания о Федоре Гладкове. 2-е изд., доп. М., 1978; Синенко Г.

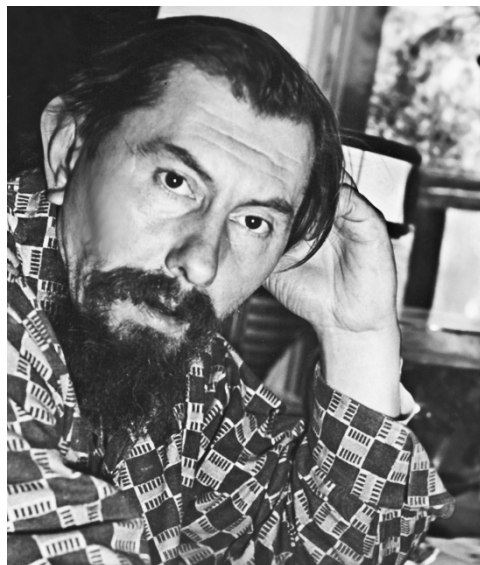
Ф. В. Гладков: семинарий. Минск, 1982; Власенко А. Н. Федор Гладков: Страницы жизни, страницы творчества. М., 1983; Пухов Ю. Федор Гладков: очерк творчества. М., 1983.

Н. А. Грознова

ГЛАЗКОВ Николай Иванович [30.1.1919, г. Лысково Нижегородской губ.— 1.10.1979, Москва] — поэт.

Отец — член Московской коллегии адвокатов, в 1938 был репрессирован, реабилитирован посмертно. Мать — учительница немецкого яз. Г. в 1938–40 учился на лит. ф-те Московского гос. пединститута, до лета 1941 был студентом Лит. ин-та им. М. Горького, в 1942 закончил Горьковский пединститут. Работал учителем в с. Никольское Арзамасской обл., в 1944 вернулся в Москву. Много путешествовал по стране, с 1965 стал членом Географического общества СССР, изучал геологию и минералогию, увлекался собиранием открыток (в его коллекции их было 40 тыс.), снимался в кинофильмах **«Александр Невский»** (в массовках), **«Андрей Рублев»** (летающий мужик), **«Романс о влюбленных»**.

Стихи Г. начал писать в 1936, распространял их через «самсебяиздат». Первый сб. стихов **«Моя эстрада»** был издан только в 1957, во время хрущевской оттепели, за ним последовал сб. **«Зеленый простор»** (1960), после которого Г. был принят в СП СССР. В последующие годы у него выходят сб. **«Поэтоград»** (1962), **«Дороги и звезды»**

Н. И. Глазков

(1966), «Пятая книга» (1966), «Большая Москва» (1969), «Творческие командировки» (1971), «Неизвестные реки» (1975), «Вокзал» (1976), «С января до января» (1976) и, посмертно, «Голоса друзей. Избранные переводы, стихи» (1982), «Автопортрет» (1984), «Тутанхамона видел я в гробу» (1990).

Все, кто близко знал Г., прежде всего его друзья по Лит. ин-ту, составившие позднее плеяду молодых поэтов фронтового поколения (М. Кульчицкий, С. Наровчатова, П. Коган, Н. Майоров, Б. Слуцкий, Д. Самойлов и др.), отмечали, что поэт он уникальный, исключительный, ни на кого не похожий, и этой своей уникальностью привлекавший их и воздействовавший на их собственное творчество. Г. и сам не устал говорить об исключительности, даже гениальности своего поэтического дара, но в этом не было самохвальства, стремления поставить себя на высокий пьедестал, а только чувствовалась спокойная, но настойчивая уверенность в эстетической значимости своего призвания, неизбежности признания его уникального таланта не только в узком кругу знатоков его поэзии, долгое время не публиковавшейся как раз из-за ее необычности, но и в более широком кругу читателей, а также в истории русской советской поэзии XX в.

На первый взгляд трудно сказать, что же в kaleйдоскопически многооттеночной поэзии Г. является главным, определяющим ее характер, устремления ее автора и его вдохновение. Только при внимательном рассмотрении всего творчества Г. становится ясным, что главной в нем является тема собственного поэтического призвания и выявления его своеобразия (родства и отличия от др. русских советских поэтов XX в.) в худож. постижении многообразной красоты (совр. и исторической) родной страны. В своих произведениях 1940-х — первой половины 1950-х («Поэтоград», «Фантастические годы», «Сорок скверный год», «Распутица», «На взятие Поэтограда» и др.), остававшихся во времена своего написания неопубликованными, Г. говорит главным образом о себе и своей жизни, много рассуждает о поэтическом труде вообще и о своем в частности. В этих произведениях, осмысляя особенности своего поэтического дара, Г. готовится к главному в своем призвании — к собственному постижению красоты России, которому будут посвящены все его печатные сб. стихов, начавшие выходить в 1957.

«Мозично-фрагментарная поэма» «Поэтоград», как назвал ее сам автор, была на-

писана в 1940–41, накануне Великой Отечественной войны; она явилась поэтическим манифестом Г. и, в известной мере, его друзей, среди которых пользовалась большим успехом. Она начинается со следующей декларации: «У молодости на заре / Стихом владели мы искусно, / Поскольку были мы за ре- / Революционное искусство. / Я лез на дерево судьбы / По веткам мыслей и поступков. / Против меня были рабы / Буржуазных предрассудков. / От их учебы и возни / Уйти, найти свое ученье... / Вот так возник небывализм, / Литературное течение». Г. и его товарищам по «небывализму» было близко «революционное искусство» футуристов, прежде всего искусство Маяковского и Хлебникова, которое каждый из них воспринимал по-своему, так, чтобы оно не делало их эпигонами лидеров русского футуризма, а способствовало выявлению их собственного поэтического своеобразия, соответствовало поэтической индивидуальности каждого из них, свидетельствовало о развитии, а не о повторении традиций авангардного, революционного искусства. Г. в его послевоенном творчестве, глубоко связанном с многочисленными путешествиями по родной стране, оказались в творческом (а не туристическом) смысле родственны странствия «русского дервиша» Хлебникова и поездки Маяковского по городам Союза.

О своей жизни и о своем становлении как поэта в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы Г. рассказал в небольших поэмах «Фантастические годы», «Сорок скверный год», «Распутица» и «На взятие Поэтограда». Будучи, по его словам, «от армии освобожден... по статье 3-б», Г. эвакуировался в родной для него Горький, где занимался не только поэтическим, то и тяжелым физическим трудом, а в 1944 вернулся в Москву. Все это время он помнил о воюющих друзьях, мн. из которых (М. Кульчицкий, Н. Майоров, П. Коган) погибли, а оставшиеся в живых стали известными поэтами. Об одном из них он писал в «Распутице»: «Возле Каменного моста / В переулке во Лебяжьем / Жил Саша Межиров, мастак. / То есть поэт, которых редко / Встречал в быту, которых нет, / И если б ставились отметки / За поэтичность, как поэт // Имел бы Межиров отлично, / Был у него особый мир, / И было очень поэтично / Все, что он делал или говорил». Пережитое в годы войны позволило Г. сказать: «Я не был на фронте, но я инвалид / Отечественной войны. <...> / Я не был на фронте, но я ветеран / Отечественной войны!» Тяжелые годы военных испытаний стали для Г. временем духовной подготовки его по-

слевоенного творчества, временем рождения любви к прекрасному в облике послезавтрашней, послевоенной России. По признанию поэта, в «сорок скверном году» он «полюбил Россию послезавтра, / Которая всех лучше будет стран».

В своих послевоенных путешествиях по родной стране Г. по-своему постигал ее красоту, какой она открывалась ему в природе европейской и азиатской частей России, в будничной повседневности, в древних былинах («Алеша Попович» и др.), в жизни и творчестве живописцев и зодчих (поэма «Юность Рублева» и др.), в подвигах землепроходцев (поэма о Хабарове «Ерофей Павлыч» и др.). Интерес к национальному худож. и духовно-нравственному наследию, к его связям с настоящим, с совр. российской жизнью, обострился после Великой Отечественной войны и нашел свое отражение во мн. произведениях советской лит-ры и искусства, причем у каждого художника по-своему. О своей связи как поэта с этим прошлым Г. рассказал в стих. «Мужик». Образ мужика в этом стих. обобщенный, но в нем запечатлены дела и творения конкретных русских «мужиков» разных времен — от древних до начала 1950-х, в обстоятельствах которых поэт изображает и самого себя. Он — «очень невезучий человек», но он «возлюбил поэта мастерство», которое делает его счастливым творцом простых и хороших стихов. И он в полемике с некоей ученой особой, кичащейся своей сложностью, заявляет: «Чтоб так же, как деревья и трава, / Стихи поэта были хороши, / Умело надо подбирать слова, / А не кичиться сложностью души. / Я к сложным отношениям не привык. / Одна особа, кончившая вуз, / Сказала мне, что я простой мужик. / Да, это так, и этим я горжусь. / Мужик велик. Как богатырь былин, / Он идолищ поганых погромил, / И покорила Сибирь, и взял Берлин, / И написал роман „Война и мир“! / Правдиво отразить двадцатый век / Сумел в своих стихах поэт Глазков, / А что он сделал, сложный человек?... / Бюро, бюро придумал пропусков!»

В полемике с показной «сложностью», скрывающей внутреннюю пустоту и примитивность души, Г. утверждал в своей поэзии такую простоту и правдивость, глубокую искренность и непосредственность, которые для него были равнозначны гениальности. В одном стих. он употребляет как синонимы слова «просто, гениально». Простоту и красоту, например, Тамбова («Старый Тамбов») или реки Лены-красавицы («Такая это красота!..») он почти не живописует, а в основном

передает свои чувства и ощущения (как правило, жизнерадостные), которые она у него вызывает. Г. часто подчеркивает, что его, в отличие от Пушкина, больше восхищает лето, летняя жара, чем зима с ее холодами (см., например, стих. «Мороз и солнце», «Мой календарь» и др.). В стих. «Александр Блок» Г. пишет о том, что и автору «Двенадцати» красота «прекрасной дамы» являлась в простом облике «незнакомки» (с маленькой буквы у Г.) и Катки. Простота — и в поэтической речи Г., имеющей преимущественно разговорный характер. Разговорчивость Г. генетически связана с разговорным характером поэтической речи футуристов, только у Г., в отличие, например, от Маяковского, разговорность не трибунная, а просторечная, похожая на разговорную речь раешника. И стих Г. в основе своей раешный. Путешествуя по городам и весям России, Г. рассказывает об их красоте языком раешника, так, как раешник комментировал картинки в райке. Только речь Г., включающая в себя традиционные иронию, сатиру, парадоксальные афоризмы, обновлена открытиями футуристов: она содержит в себе и отголоски пафосности Маяковского, и неологизмы в духе Хлебникова, и др. приметы авангардистской поэтики.

Соч.: Избранные стихи / вступ. статья Н. Старшинова. М., 1979; Автопортрет: стихи и поэмы. М., 1984; Стихи, поэты, время... Из лит. записок и воспоминаний // Юность. 1985. № 3; Григорий Распутин: Трагикомедия в одном действии. Из походов Великого Гуманиста и другие рассказы // Октябрь. 1992. № 1; [Самые мои стихи]. М., 1995; Я поэт, поэты — боги... // Вопр. лит-ры. 1992. № 2.

Лит.: Гордин Я. Пятая книга: [рец.] // Звезда. 1967. № 7; Кожин В. Простота и упрощенность // Лит. газ. 1970. 11 февр.; Ковалев Д. О двух поэтических лицах: [О В. Семакине и Н. Глазкове] // Поэзия: альм. Вып. 20. М., 1977; Евтушенко Евг. Скоморох и богатырь // Лит. Грузия. 1971. № 7; Самойлов Д. У врат Поэтограда // Лит. газ. 1980. 25 июня; Воспоминания о Николае Глазкове. М., 1989; Достян Р. ...но мне не дали досказать! // Лит. Россия. 1988. 8 июля; Шеханова Т. Слово, равное изобретению // Поэзия: альм. Вып. 53. М., 1989; Шерешевский Л. Поэтом стать мне удалось... // Книжное обозрение. 1989. 26 мая; Перемышлев Евг. Николай Иванович Глазков — Великий Русский Гуманист и Путешественник // Октябрь. 1992. № 1.

М. Ф. Пьяных

ГЛИНКА Глеб Александрович [1903, Москва — июнь 1989, Кэбот, штат Вермонт, США] — поэт, прозаик, критик.